

БОРИС СОКОЛОВ

ТРИ ЛЮБВИ
МИХАИЛА
БУЛГАКОВА

Борис Вадимович Соколов

Три любви Михаила Булгакова

Серия «Роковые женщины»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7053481

Три любви Михаила Булгакова / Борис Соколов.: Якуза, Эксмо; Москва;

2014

ISBN 978-5-699-71731-6

Аннотация

«Жен менять надо, батенька. Чтобы быть писателем, надо три раза жениться», – говорил начинающему Булгакову уже маститый Алексей Толстой. И эти слова оказались пророческими – в жизни Мастера были три романа, три любви, три жены. Что за женщины покорили его сердце, сыграв главные роли в его творчестве и судьбе? Кому из них Булгаков обязан спасением от наркомании и правду ли говорят, что исцелиться от роковой страсти все равно что «соскочить с иглы»? Как он признавался в любви и отчего разлюбил? Почему так и не завел детей, по чьей вине распались два его брака и за что он после развода каялся перед первой женой: «Из-за тебя Бог меня покарает»? Как Мастер нашел свою Маргариту, заставившую его преодолеть антисемитские предрассудки и жениться на дочери крещеного еврея? Обрел ли он покой, который ценил больше света? И разве не счастливеец тот мужчина, что может, как Булгаков, прошептать

любимой перед смертью: «Ты была самой лучшей женщиной в мире! Божество мое, мое счастье, моя радость. Королевушка моя, моя царица, звезда моя, сиявшая мне всегда в моей земной жизни! Я люблю тебя, я обожаю тебя! Любовь моя, жена моя, жизнь моя!»

Содержание

Предисловие	5
Первая любовь	10
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Борис Вадимович Соколов
Три любви
Михаила Булгакова

Предисловие

Три жены великого русского писателя Михаила Афанасьевича Булгакова олицетворяют собой три этапа жизни и творчества писателя. «Жен менять надо, батенька. Чтобы быть писателем, надо три раза жениться», – еще в 1923 году говорил уже маститый к тому времени Алексей Толстой еще только начинающему свой путь в литературе Булгакову. И Михаил Афанасьевич вольно или невольно, но последовал совету мастера.

С Тасей, Татьяной Николаевной Лаппа, навсегда связана киевская беспечальная юность, будни земского врача в смоленском захолустье, опасные путешествия в огне Гражданской войны, первые голодные московские годы и внезапный разрыв в тот момент, когда только-только выбились из нужды.

С Любовью Евгеньевной Белозерской, Любаней, Бангой, Михаил Афанасьевич разделил короткие годы успеха и последовавшие за ними годы гонений и вынужденного молчания, когда Булгакову пришлось обратиться к Сталину со знаменитым письмом, в котором просил либо выпустить его вместе с Любовью Евгеньевной за границу, либо откомандировать на работу режиссером-ассистентом в Художественный театр. И опять разрыв последовал в пору относительно благополучия, когда появился верный кусок хлеба в театре и были восстановлены после перерыва в два с половиной года «Дни Турбиных». Создается впечатление, что Бул-

гаков в трудные времена не видел недостатков в близком человеке, но начинал смотреть на жену другими глазами, когда положение приближалось к норме. Он искал единственную, неземную, неповторимую любовь. И нашел.

Елена Сергеевна Нюренберг (в первом браке Неелова, во втором браке – Шиловская), Люся, – последняя и главная любовь Булгакова, основной прототип Маргариты в великом «закатном» романе. Если две первые булгаковские жены были столбовыми дворянками, то отец Елены Сергеевны – всего лишь податной инспектор, крещеный еврей из Риги, правда дослужившийся до довольно высокого чина коллежского советника (соответствовал армейскому полковнику). Мать же была дочерью православного священника. В данном случае любовь победила антисемитские предрассудки Булгакова, еще в 1924 году писавшего в дневнике по поводу французского премьера Эдуарда Эррио, который «этих большевиков допустил в Париж»: «У меня нет никаких сомнений, что он еврей. Люба (Белозерская) мне это подтвердила, сказав, что она разговаривала с людьми, лично знающими Эррио. Тогда все понятно». Эррио, кстати сказать, евреем никогда не был.

По иронии судьбы вместе с Еленой Сергеевной в дом вошел стукач – муж ее сестры Ольги Бокшанской Евгений Васильевич Калужский, один из ведущих актеров МХАТа. О нем мы поговорим далее. Сейчас же скажем только, что Елена Сергеевна и Михаил Афанасьевич догадывались, что ря-

дом с ними «наседка», грешили на многих знакомых — артиста МХАТа Григория Конского, драматурга Сергея Ермолинского, но то, что в этой малопочтенной роли выступает их свояк Калужский, так и не догадались.

Елена Сергеевна помогла Булгакову в те годы, когда он писал вопреки ясно выраженному приказу «не писать!», без всякой надежды на публикацию. За несколько дней до смерти Булгаков говорил ей: «Ты была моей женой, самой лучшей, незаменимой, очаровательной... Когда я слышал стук твоих каблучков... (помните, в романе у Мастера сердце непрерывно билось, «пока без стука, почти совсем бесшумно, не равнялись с окном туфли с черными замшевыми накладками-бантами, стянутыми стальными пряжками»). Ты была самой лучшей женщиной в мире... Божество мое, мое счастье, моя радость. Я люблю тебя! И если мне суждено будет еще жить, я буду любить тебя всю мою жизнь. Королевушка моя, моя царица, звезда моя, сиявшая мне всегда в моей земной жизни! Ты любила мои вещи, я писал их для тебя... Я люблю тебя, я обожаю тебя! Любовь моя, жена моя, жизнь моя!» И для всех почитателей таланта Булгакова его последняя жена навсегда осталась «светлой королевой Марго» из «Мастера и Маргариты».

Каждая из трех булгаковских жен вдохновляла его на творчество в разные периоды его жизни. В то же время на них всегда падал отблеск творческих замыслов писателя. Булгаков заражал своих жен своим особым взглядом на мир,

отношением к окружающим, восприятием мировой культуры. Тайны, когда и почему Михаил Афанасьевич любил, а потом разлюбил своих жен, мы, конечно, не раскроем – на эту тему можно написать не один десяток романов. Но можно постараться установить фактическую сторону дела: как именно развивались отношения Булгакова с Татьяной Николаевной, Любовью Евгеньевной и Еленой Сергеевной, а также опровергнуть широко распространенные мифы на сей счет.

Любили ли Булгакова его жены? На сей счет сомнений, пожалуй, нет. А вот насчет того, что Михаил Афанасьевич в равной мере любил всех трех своих жен, существуют определенные сомнения. На прочность всех его браков негативно влияло то, что он не собирался иметь детей. В браке с каждой из них присутствовал определенный элемент житейского расчета, который, возможно, в дальнейшем мог ограничиваться любовью, не всегда порождая большое чувство. Во всяком случае, такую гипотезу вполне можно высказать. Так это или не так, мы убедимся, рассмотрев историю всех трех булгаковских жен. Итак, как говаривал Михаил Афанасьевич, вперед, читатель!

Первая любовь

Татьяна Николаевна Лаппа

Татьяна Николаевна (в первом браке Булгакова, в третьем Кисельгоф), (1892–1982), первая жена Булгакова, оставила о нем устные воспоминания, записанные рядом исследова-

телей булгаковского творчества в последние годы ее жизни, когда Михаил Афанасьевич вновь стал модным и востребованным писателем. Ранее же она, как и Любовь Евгеньевна, оставалась в тени вдовы Булгакова Елены Сергеевны. Судьба ее после развода с Булгаковым складывалась достаточно непросто, однако никаких злых чувств к Михаилу Афанасьевичу она никогда не испытывала. Думаю, она продолжала любить его до самой своей смерти, хотя, как кажется, была вполне счастлива в последнем браке с адвокатом Давидом Кисельгофом.

Татьяна Николаевна родилась 23 ноября (5 декабря) 1892 года в Рязани в семье столбового дворянина действительно статского советника Николая Николаевича Лаппа, потомка выходцев из Литвы, занимавшего должность управляющего казенной палатой. В паспорте она проставила себе другую дату рождения, чтобы несколько «помолодеть» (это могло помочь в поисках работы), – 6 декабря 1896 года (она не учла также, что в XIX веке, в отличие от XX, разница между старым и новым стилем составляла не 13, а всего лишь 12 дней). Но к концу жизни Татьяна Николаевна забыла, что когда-то «омолодила» себя аж на четыре года. Для нее полным сюрпризом стало, когда один из исследователей представил ей документы, позволяющие точно установить дату ее появления на свет (подлинная дата рождения Т.Н. Лаппа устанавливается по церковной записи ее брака с Булгаковым).

Стоит отметить, что среди предков первой жены Булгако-

ва был декабрист Матвей Демьянович Лаппа, сын киевского помещика, подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка, член Южного общества. Он отделался сравнительно легко – был приговорен 10 июля 1826 года к разжалованию в рядовые без лишения дворянства.

Быть может, от предка-декабриста досталась та любовь к свободе и независимости, что была свойственна Татьяне Николаевне всю жизнь.

За два года до рождения старшей дочери (очевидно, вместе с братом-близнецом), в 1890 году, Николай Николаевич окончил с дипломом первой степени естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Службу он начал в Рязани сверхштатным чиновником особых поручений при губернаторе, затем был переведен в Екатеринослав податным инспектором в казенную палату (это учреждение ведало губернскими финансами). О жизни в этом городе у Татьяны Николаевны уже сохранились кое-какие воспоминания: «Мы там в маленьком домике жили. Няня у нас была, водила нас гулять. Как 20-е число, мы отца встречали, жалованье тогда давали, и он покупал всем подарки. Потом шли гулять на бульвар или в Потемкинский сад. Катались там на качелях. Мать очень красивая была... А отец очень театром увлекался, даже играл в городском театре, Островского вещи, любовников. Ему даже предлагали там... артистом стать, а мать сказала: «Если пойдешь в театр, я уйду от тебя...» Оно конечно, хлеб актера не так верен, как

хлеб чиновника, а кроме того, в театре, как известно, много симпатичных молоденьких актрис. Николай Николаевич же, как кажется, давал немало поводов для ревности.

Матерью Тани была Евгения Викторовна Пахотинская, из польской шляхты. Кроме Тани, в семье было еще пятеро детей: Евгений (1892 года рождения), Софья (1895), Константин (1900), Николай (1902) и Владимир (1904). Будучи чиновником высокого ранга, Н.Н. Лаппа был также не чужд увлечения театром, имел актерский талант. Он умер в Москве в 1918 году, уже после крушения того уютного, благополучного мира, в котором привык жить. Но в конце XIX века до этого было далеко, и ничто не предвещало, казалось, грядущих бед.

Семейство Лаппа – вполне благополучное, обеспеченное. И Таня, как видно из ее воспоминаний, ни в чем не знает отказа. Она еще ребенок, шестилетняя девочка, живет беззаботно, взрослых проблем не знает, о будущем не задумывается, гуляет с няней по роскошным екатеринославским бульварам, получает подарки от родителей. Беспечальное, как и у Михаила Булгакова, детство.

Через несколько лет после рождения Тани родители переехали из Екатеринослава в Омск, где отец стал управляющим губернской казенной палатой. А в 1904 году Н.Н. Лаппа вернулся в европейскую Россию, в Саратов, где он получил такую же должность. Здесь Николаю Николаевичу пришлось служить под началом самого П.А. Столыпина, тогдаш-

него саратовского губернатора. О саратовском житье у Татьяны Николаевны тоже сохранились самые светлые воспоминания: «В Саратове отец новую казенную палату выстроил, и мы в казенной квартире жить стали... Квартира хорошая была. Комната девочек, комната мальчиков, спальня, столовая, гостиная, у отца, конечно, кабинет был... Вот так жили. Отец работал, мать детьми занималась, мы в гимназию ходили... Еще я часто в театр ходила. В соседнем доме у меня подруга жила, ее отец был содержателем театра Очкина, у них своя ложа была. И вот я все оперы пересмотрела...»

Как видим, в Саратове гимназистка Лаппа активно общалась к искусству, особенно к оперному. А оперу, как мы знаем, очень любил и Булгаков. Наверное, это был один из мотивов, способствовавших их сближению.

Была у семейства Лаппа и дача под Саратовом, где позднее довелось бывать и Михаилу Булгакову. Татьяна Николаевна вспоминала: «Недалеко от Саратова была деревня – Разбойщина... А в Саратове за мостом немецкая колония была, и там немец один жил, Шмидт... И вот он купил там землю около Разбойщины. Очень хороший участок с прудом, построил там дачи, сделал купальню и сдавал в аренду... И вот отец по объявлению арендовал там очень хорошую дачу. Мы каждое лето там были. Природа замечательная, особенно дорога до станции, туда километра два было». В общем – благодать.

С будущим писателем Михаилом Булгаковым Татьяна

Лаппа познакомилась летом 1908 года, когда саратовская гимназистка впервые приехала в Киев на каникулы к тетке Софье Николаевне Давидович. Татьяна Николаевна вспоминала: «В 1908 году пришло от тети Сони письмо, что на это лето она к нему не сможет приехать. У них своих детей не было, а меня она очень любила. Она просила: «Отпустите ко мне Тасю». Ну, отец спрашивает: «Хочешь ехать?» – «Поеду». И он меня отправил... Приехали на Большую Житомирскую, и вот там меня тетя Соня с Булгаковым и познакомила». Софья Николаевна дружила с матерью Булгакова Варварой Михайловной. Они вместе служили во Фребелевском институте – киевском женском образовательном учреждении.

Киев, мать городов русских, произвел на пятнадцатилетнюю гимназистку неотразимое впечатление. Позднее она признавалась: «И хотя я была как-то подготовлена и литературой, и рассказами родных об этом древнем городе, но все увиденное мною превзошло мои ожидания. Уже подъезжая к железнодорожному мосту через Днепр, невозможно было оторвать взгляда от совершенно удивительной картины: на высоких, тонущих в густой зелени холмах сверкали в ярких лучах солнца золотые купола многочисленных церквей. Широкие, светлые улицы, тенистые сады и парки, строгие казенные здания, театры, древние храмы – покорили мое сердце. С тех пор я полюбила Киев, особенно в летнее время: Владимирскую горку, Купеческий сад с открытой эстрадой, где по

вечерам звучала музыка Чайковского, Россини, Глинки...»

Наверное, во многом любовь к Киеву у Татьяны Николаевны была обусловлена тем, что в этом городе она встретила свою первую любовь.

Булгаков тоже с радостью вспоминал это время в фельетоне «Киев-город»: «Весной зацветали белым цветом сады, одевался в зелень Царский сад, солнце ломилось во все окна, зажигало в них пожары. А Днепр! А закаты! А Выдубецкий монастырь на склонах! Зеленое море уступами сбегало к разноцветному ласковому Днепру. Черно-синие ночи над водой, электрический крест Св. Владимира, висящий в высоте...»

Но тут же добавлял с легкой грустью: «...Город прекрасный, город счастливый. Мать городов русских. Но это были времена легендарные, те времена, когда в садах самого прекрасного города нашей Родины жило беспечальное, юное поколение. Тогда-то в сердцах у этого поколения родилась уверенность, что вся жизнь пройдет в белом цвете, тихо, спокойно, зори, закаты, Днепр, Крещатик, солнечные улицы летом, а зимой не холодный, не жесткий, крупный ласковый снег... И вышло совершенно наоборот».

Что легендарные времена скоро кончатся, они с Тасей не подозревали. Все дышало романтикой, стариной, располагало к возвышенным чувствам.

Писатель Константин Георгиевич Паустовский, учившийся вместе с Булгаковым в 1-й Александровской гимназии,

вспоминал: «Булгаков был старше меня, но я хорошо помню стремительную его живость, беспощадный язык, которого боялись все, и ощущение определенности и силы – оно чувствовалось в каждом его, даже незначительном, слове. Булгаков был переполнен шутками, выдумками, мистификациями. Все это шло свободно, легко, возникало по любому поводу». Такой юноша, несомненно, должен был сразу очаровать юную саратовскую провинциалку. Ведь Киев, центр генерал-губернаторства, был еще и одним из видных культурных центров Российской империи. В этом отношении Саратов проигрывал будущей столице Украины по всем статьям.

Другие мемуаристы, знавшие Булгакова в гимназические годы, как и Паустовский, вспоминают, что он был изрядный шалун, не очень-то приверженный дисциплине. Что ж, Михаил Афанасьевич вполне оправдывал происхождение собственной фамилии. Ведь основа этой фамилии – тюркское слово «булга» – «шум, беспокойство, тревога, переполох, суматоха, ссора, скандал». К этому слову восходит и этноним «булгар (болгар)», который имел, по-видимому, значение, аналогичное имени «булга», и значил «смутьян, возмутитель», либо «смешанный, состоящий из различных племен». Слово «булга» родственно, в свою очередь, другому тюркскому слову «булгак» – «гордый человек, гордец». Между прочим, слово «булга» сохранилось в русских диалектах поволжских губерний, а также Владимирской и Тверской, где даже во времена Владимира Даля еще был глагол «бул-

гатить», или «булгачить» – в значении «тревожить, беспокоить, будоражить, полошить, баламутить». Все эти слова восходят к тюркскому глаголу «бул» – «смешивать».

Наверняка они не только любовались киевскими красотами, но и говорили – о музыке, театрах, литературе. Сестра Михаила Надя писала Константину Паустовскому 28 января 1962 года: «Любимым писателем Михаила Афанасьевича был Гоголь. И Салтыков-Щедрин. А из западных – Диккенс. Чехов читался и перечитывался, непрестанно цитировался, его одноактные пьесы мы ставили неоднократно... Читали Горького, Леонида Андреева, Куприна, Бунина, сборники «Знания». Достоевского читали все... Читали мы западных классиков и новую тогда западную литературу: Мопассана, Метерлинка, Ибсена и Кнута Гамсуна, Оскара Уайльда. Читали декадентов и символистов, спорили о них и декламировали пародии Соловьева: «Пусть в небесах горят паникадила – в могиле тьма». Спорили о политике, о женском вопросе и женском образовании, об английских суфражистках, об украинском вопросе, о Балканах; о науке и религии, о непротавлении злу и сверхчеловеке; читали Ницше».

Вряд ли, конечно, Михаил заводил речь с девушкой, которой был увлечен, о женском вопросе и о том, как тяжело живет балканским славянам под турецким гнетом. А вот над юморесками Антоши Чехонте и сатирами Салтыкова-Щедрина они наверняка вместе смеялись. Булгаков ведь знал наизусть не только некоторые рассказы, но и, как вспоминала

Л.Е. Белозерская, даже некоторые письма Чехова. А Салтыков для семейства Лаппа был, можно сказать, почти что своим человеком. Ведь дед Тани, Николай Иванович, когда-то служил в Рязани под началом тамошнего вице-губернатора Михаила Евграфовича Салтыкова, в литературе известного под псевдонимом Щедрин.

И вполне возможно, игнорируя политические вопросы, рассуждали о вопросах «вечных» – вере, неверии, жизни, смерти. И в связи с этим могли поминать и труды Фридриха Ницше, слова которого Булгаков вспоминал даже на смертном одре.

Однако идиллия быстро кончилась. Любовь Булгакова к Тасе с самого начала изобиловала драматическими моментами. Родители обоих были против этой связи, считая брак неравным. Булгаков был сыном профессора Киевской духовной академии, получившего звание за считанные дни до смерти. Правда, Афанасий Иванович Булгаков успел дослужиться до довольно высокого чина статского советника (между армейскими полковником и генерал-майором; соответствовал упраздненному в конце XVIII века военному чину «бригадир» – вспомним одноименную комедию Фонвизина). Этот чин права на потомственное дворянство в начале XX века не давал. Такое право в гражданской службе давал только следующий чин – действительного статского советника. Значит, Михаил Булгаков был мещанином, и столбовым дворянам не очень почетно было с ним породниться. Но и

мать Булгакова, очевидно, опасалась, что родители Таси будут свысока смотреть на зятя – выходца из низшего сословия. Да и по уровню доходов крупный чиновник (пост председателя казенной палаты в губернии был второй по значимости после губернатора, и занимавшие его чиновники, как правило, имели более высокое жалованье, чем вице-губернаторы) значительно превосходил профессорскую вдову, вынужденную, чтобы дать достойное образование детям, подрабатывать казначеем во Фробелевском обществе. Вероятно, мать боялась, что ее сын в семействе Лаппа будет на положении бедного родственника. Но инициатива по прекращению отношений молодых людей последовала от родителей Таси и чуть было не привела к трагедии. Может быть, они считали, что ей еще рано вступать в связь с молодым человеком – еще шестнадцати нет (а ее отношения с Михаилом носили отнюдь не платонический характер), а может, у них были насчет нее какие-нибудь матримониальные планы. К тому же была идея отправить Тасю учиться в Париж. Так или иначе, но на Рождество 1908 года Тасю не пустили в Киев, куда она обещала приехать, а отправили в Москву к бабушке. Друг Булгакова Александр Гдешинский прислал телеграмму: «Телеграфируйте обманом приезд Миша стреляется». По воспоминаниям Татьяны Николаевны, «отец сложил телеграмму и отослал в письме сестре: «Передай телеграмму своей приятельнице Варе»...». Н. Давидович показала телеграмму Варваре Михайловне. Как вспоминала Та-

тьяна Николаевна, «они смеялись. Тогда Михаил решил сам приехать. Он как раз кончил гимназию, и дядя Коля (Н.М. Покровский, дядя Булгакова. – Б. С.) подарил ему 25 рублей. Он написал, чтобы я только вышла к поезду, и он – сразу уедет обратно. А это письмо перехватила моя мать, и меня заперли на ключ. И Михаила из Киева не отпустили».

Быть может, Михаил все-таки о самоубийстве всерьез не думал, а лишь по-театральному разыграл готовность застрелиться, чтобы добиться свидания с любимой. Очевидно, и его родители, и родители Таси эту угрозу не восприняли, только посмеялись над ней.

Тасю родители не пускали в Киев почти три года. Зато Михаил, согласно дневниковой записи его сестры Нади, «все время стремится в Саратов, где она живет...». Всего Булгаков приезжал сюда к Тасе не менее семи раз. Первый приезд был на рождественские каникулы с декабря 1911 года до середины января 1912 года. Михаил тогда приехал, сопровождая бабушку Татьяны, Елизавету Николаевну. К тому времени он уже был студентом медицинского факультета Киевского императорского университета имени Святого равноапостольного князя Владимира, куда поступил в августе 1909 года, и эта поездка самым негативным образом повлияла на булгаковскую учебу. В «Белой гвардии» Булгаков писал: «... Вечный маяк впереди – университет, значит, жизнь свободная, – понимаете ли вы, что значит университет? Закаты на Днепре, воля, деньги, сила, слава... За восемью годами гим-

назии... трупы анатомического театра, белые палаты, стеклянное молчание операционных...»

Но теперь осуществление мечты оказалось под угрозой. Занятия он забросил, не стал сдавать экзамены и был оставлен на повторный курс. Не исключено, что он еще раз посетил Саратов до лета 1912 года, когда его поездка отразилась в дневнике сестры Нади и письмах родных, что и вызвало перерыв в занятиях. А вот следующий визит в город на Волге состоялся в 1913 году уже после свадьбы и вместе с Тасей. Вдвоем они приехали в Саратов и в начале июня 1914 года. Там их застала Первая мировая война. Михаил помогал раненым в лазарете, организованном в казенной палате Н.Н. Лаппа, а Тася работала там же сестрой милосердия. Следующий визит четы Булгаковых в Саратов пришелся на январь 1916 года. Затем они посетили город в феврале 1917 года, и здесь их застала весть о революции. Наконец, последний раз Булгаков побывал в Саратове в декабре 1917 года.

О том, какие мысли владели в те годы Булгаковым, мы можем частично судить по дневнику его любимой сестры Надежды. Вот, например, запись от 25 марта 1912 года: «Теперь о религии... Нет, я чувствую, что не могу еще! Я не могу еще писать. Я не ханжа, как говорит Миша. Я идеалистка, оптимистка... Я – не знаю... – Нет, я пока не разрешу всего, не могу писать. А эти споры, где Иван Павлович (Воскресенский. – Б. С.) и Миша защищали теорию Дарвина и где я всецело была на их стороне, – разве это не признание

с моей стороны, разве не то, что я уже громко заговорила, о чем молчала даже самой себе, что я ответила Мише на его вопрос: «Христос – Бог, по-твоему?» – «Нет!»

Между тем, по воспоминаниям Т.Н. Лаппа, «Варвара Михайловна была очень верующая. «Варя верующей была. Она зажигала лампадки под иконами, и вообще». О своем же отношении к религии Татьяна Николаевна не вспоминала ничего. Можно предположить, что она либо склонялась к модному тогда среди образованной молодежи атеизму, либо была вообще равнодушна к вопросам веры и неверия.

Михаил с Татьяной много гуляли по Киеву. Заходили они и в знаменитую панораму «Голгофа». Это посещение навеяло, среди прочего, соответствующую сцену в «Мастере и Маргарите»: «Наконец, подошла кентурия под командой Марка Крысобоя. Она шла, растянутая двумя цепями по краям дороги, а между этими цепями, под конвоем тайной стражи, ехали в повозке трое осужденных с белыми досками на шее, на каждой из которых было написано «Разбойник и мятежник» на двух языках – арамейском и греческом. За повозкой осужденных двигались другие, нагруженные свежесотесанными столбами с перекладинами, веревками, лопатами, ведрами и топорами. На этих повозках ехали шесть палачей. За ними верхом ехали кентурион Марк, начальник храмовой стражи Ершалаима и тот самый человек в капюшоне, с которым Пилат имел мимолетное совещание в затемненной комнате во дворце. Замыкалась процессия солдатскою це-

пью, а за нею уже шло около двух тысяч любопытных, не испугавшихся адской жары и пожелавших присутствовать при интересном зрелище». Но Булгаков тогда еще и не думал, что когда-нибудь напишет роман о Христе, да еще такой, который станет одним из самых популярных в XX веке.

Пока Тася училась, они с Михаилом виделись только во время каникул – летних и рождественских. Об этом свидетельствует запись в дневнике Надежды Булгаковой: «Буча. 31 июля 1911 г. Приехала к нам на эти последние летние дни Тася Лаппа: живет у нас с 29-го. Я ей рада. Она славная... Миша занимается к экзаменам и бабочек ловит, жуков собирает, ужей маринует». В 1911 году Тася, окончив с медалью Саратовскую женскую гимназию, стала работать классной дамой в ремесленном училище. На Рождество 1911 года Булгаков приехал в Саратов. Татьяна Николаевна вспоминала: «Была елка, мы танцевали, но больше сидели, болтали...» Дальнейшей разлуки с любимым она не выдержала. В августе 1912 года поступила в Киеве на историко-филологическое отделение Высших женских курсов Фробелевского общества.

Между тем любовные переживания совсем расстроили булгаковские занятия в университете. Он остался на второй год, и ему грозило исключение. 20 августа 1912 года сестра Надя записала в дневнике: «16-го, когда я устраивала мальчиков в Киеве, я зашла в нашу квартиру за книгами и там наткнулась на эту картину: Мишин кабинет в беспорядке, сам

он за книгами, Тася в большой шляпе. Платон и Саша (Гдешинские. – Б. С.)... У Миши экзамены – последний срок, или он летит из университета: что-то будет, что-то будет?.. Миша со мной много говорил в тот день (добавление 1940 года: «Беспокойная он натура и беспокойная у него жизнь, которую он сам по своему характеру себе устраивает». – Б. С.). Изломала его жизнь, но доброта и ласковость, остроумие блестящее, когда его не раздражают, остаются его привлекательными чертами. Теперь он понимает свое положение, но скрывает свою тревогу, не хочет об этом говорить, гаерничает и напевает, аккомпанируя себе бравурно на пианино, веселые куплеты из оперетт... Хотя готовится, готовится... Грустно, в общем (добавление 1940 года: «Экзамены в ту осень благополучно сдал». – Б. С.)...

Миша вернулся – en deux с Тасей; она поступает на курсы в Киеве. Как они оба подходят друг к другу по безалаберности натур! (в 1940 году добавлено: «по стилю и вкусам». – Б. С.). Любят они друг друга очень, вернее – не знаю про Тасю, но Миша ее очень любит... (16 октября 1916 года добавлено: «Теперь я бы написала наоборот». И пояснено в 1940 году: «Мишин отъезд врачом в Никольское – Тася едет с ним». – Б. С.)».

Как кажется, поездка Татьяны в смоленскую глушь воспринималась родными и близкими Булгакова едва ли не как подвиг, сравнимый с подвигом жен декабристов, отправившихся за мужьями в Сибирь.

Разумеется, учеба в Киеве для Таси была лишь предложением: ей просто очень хотелось быть рядом с возлюбленным. Отец присылал ей ежемесячно 50 рублей. Часть этой суммы шла в уплату за обучение. Булгаков подрабатывал репетиторством, чтобы платить за квартиру, которую они снимали на Рейтарской, 25. Через полгода Тася бросила учебу, плата за которую наносила бюджету слишком сильный урон. Родители Таси уже смирились с неизбежностью брака дочери, но Варвара Михайловна все еще была против. Татьяна Николаевна вспоминала: «... Однажды я получаю записку от Варвары Михайловны: «Тася, зайдите, пожалуйста, ко мне». Ну, я пришла. Она говорит: «Тася, я хочу с вами поговорить. Вы собираетесь выходить замуж за Михаила? Я вам не советую... Как вы собираетесь жить? Это совсем не просто – семейная жизнь. Ему надо учиться... Я вам не советую этого делать...» – и так далее. Еще она просила меня не говорить Михаилу об этом разговоре... Ну, я ей ничего не сказала (о беременности – Тася была беременна, и Михаил еще до свадьбы помог ей сделать аборт. – Б. С.), а Михаилу все-таки рассказала, что Варвара Михайловна против. Он отвечает: «Ну, мало что она не хочет, но все равно я должен жениться». И мы решили обвенчаться сразу после Пасхи».

В.М. Булгакова писала дочери Наде в Москву 30 марта 1913 года: «Давно собираюсь написать тебе, но не в силах в письме изложить тебе всю эпопею, которую я пережила в эту зиму: Миша совершенно измочалил меня... В результа-

те я должна предоставить ему самому пережить все последствия своего безумного шага: 26 апреля предполагается его свадьба. Дела стоят так, что все равно они повенчались бы, только со скандалом и с разрывом с родными; так я решила устроить лучше все без скандала. Пошла к отцу Александру Александровичу (Глаголеву, обвенчавшему молодых. – Б. С.) (можешь представить, как Миша с Тасей меня выпроваживали поскорее на этот визит!), поговорила с ним откровенно, и он сказал, что лучше, конечно, повенчать их, что «Бог устроит все к лучшему»... Если бы я могла надеяться на хороший результат этого брака; а то я, к сожалению, никаких данных с обеих сторон к каким бы то ни было надеждам не вижу, и это меня приводит в ужас. Александр Александрович искренне сочувствовал мне, и мне стало легче после разговора с ним... Потом Миша был у него; он, конечно, старался обратить Мишино внимание на всю серьезность этого шага (а Мише его слова как с гуся вода!), призывал Божье благословение на это дело...»

Вероятно, тот разговор Таси с Варварой Михайловной запомнился Михаилу. Так же Воланд спрашивал воссоединившихся на балу сатаны Мастера и Маргариту: «А чем же вы будете жить?»

Несмотря на более чем настороженное отношение родителей, свадьба все-таки состоялась.

26 апреля 1913 года Михаил и Тася обвенчались. Обряд совершил друг семьи Булгаковых отец Александр Глаголев.

Поручителями выступили друзья Михаила: Борис Богданов и братья Гдешинские, Платон и Александр, а также его двоюродный брат Константин Петрович Булгаков. Деньги, высланные родителями Таси на свадьбу, молодые прокутили в киевских кафе. Тогда родители невесты сами купили новобрачным обручальные кольца, а в качестве приданого подарили столовое серебро, золотую цепь и золотую браслетку. Эта браслетка стала для Михаила и Таси своеобразным талисманом. Не раз они закладывали ее в трудных жизненных обстоятельствах, но затем обязательно выкупали ее. Даже после развода Михаил однажды одалживал у нее браслетку на счастье. И надел ее, когда шел в редакцию «Недр» получать гонорар за повесть «Роковые яйца». И действительно, так нужный ему гонорар Булгаков в тот день получил. А потом Татьяна Николаевна, после развода оставшаяся почти без средств к существованию, браслетку все-таки продала. Когда Михаил узнал об этом, то страшно возмутился. Татьяна Николаевна вспоминала: «Потом он стал знаменитым. «Дни Турбиных» в МХАТе пошли... И хоть бы раз предложил. Ведь знал, что трудно достать. Ни разу. Однажды приходит... а я как раз браслетку продала... Ну, жить-то надо!.. Господи, что с ним было! Как раз в этот день... Потом я его долго не видела. Не знаю, что было».

Из рассказа первой жены Булгакова можно сделать однозначный вывод. Браслетка была еще цела, когда на сцене пошли «Дни Турбиных», то есть как минимум до конца 1926

года. Но мне кажется, что последний раз перед длительным перерывом Булгаков пришел к Татьяне Николаевне в один из дней рокового 1929 года, незадолго до того, когда все пьесы были запрещены и когда над ним уже сгущались тучи. Пришел и узнал, что как раз в этот день Тася продала заветную браслетку! Было отчего расстроиться Михаилу Афанасьевичу, так верившему в приметы. И можно не сомневаться, что последующие несчастья он среди прочего связывал и с безвозвратной утратой прежде столь надежного талисмана.

Но до всех этих несчастий было еще очень далеко. Пока же казалось, что все налаживается. Вот поженились, зажили самостоятельной жизнью. Михаилу удавалось зарабатывать репетиторством до 25 рублей в месяц. Скромно, но прожить можно. Да и родители помогали. Тася после свадьбы учебу оставила – еще одно доказательство, что учеба нужна была только как предлог, чтобы видеться с Михаилом. Занялась хозяйством.

И, положив руку на сердце, наверное, не только любовь влекла их друг к другу, но и стремление поскорее вырваться от опеки родителей, зажить самостоятельно, своим домом.

Татьяна Николаевна так вспоминала о свадьбе: «Священник Александр Глаголев нас венчал. Мы все время хохотали, все время смеялись... Отец Александр был исключительно добрым, мягким и образованным человеком. Он знал много языков, преподавал в академии церковную археологию и древнееврейский язык».

Тут стоит сделать небольшое отступление по поводу близкого друга семьи Булгаковых. Судьба Александра Александровича Глаголева, человека доброго и незаурядного, была трагичной, как и весь XX век для России. Протоиерей Александр Глаголев родился 14 февраля 1872 года в семье священника, в Тульской губернии. Там же он окончил духовную семинарию, выпускник Киевской Духовной академии, профессор кафедры древнееврейского языка и библейской археологии Киевской Духовной академии, цензор в Духовно-цензурном комитете, преподаватель Закона Божьего в Фундуклеевской женской гимназии, занимал пост профессора Киевской Духовной академии на кафедре библейской археологии, позже ректора, а также служил настоятелем церкви Святого Николы Доброго у подножия Андреевского спуска. В 1898 году получил степень кандидата богословия. В 1900 году 28-летний Александр Глаголев защитил в КДА магистерскую диссертацию «Ветхозаветное библейское учение об Ангелах» – выдающийся труд, который привлек внимание к молодому талантливому ученому. А. Глаголев становится членом Комиссии по научному изданию славянской Библии, принимает участие в издании Православной богословской энциклопедии. По просьбе А.П. Лопухина он пишет комментарии на третью и четвертую книги Царств для «Толковой Библии», публикуется в различных журналах, особенно в «Трудах Киевской Духовной академии».

Внучка праведника, Магдалина Алексеевна Глаголева,

вспоминая о бабушке, говорит: «Ему были присущи смирение и простота. Не та *sancta simplicitas*, о которой говорят в отношении детей или простаков, которые многого не понимают. А простота от мудрости. Мудрость и предельное незлобие – любовь к людям».

Отец Александр Глаголев выступил свидетелем защиты в известном процессе по делу Менделя Бейлиса, доказав, что в иудаизме нет ритуальных убийств. Защита невинного человека возымела действие и положила предел беззаконию.

В годы Первой мировой войны отец Александр Глаголев был полковым священником 5-го Каргопольского драгунского полка, где рядовым, а потом унтер-офицером служил будущий маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский. Что еще важнее, полк входил в состав 5-й кавалерийской дивизии, которой долгое время командовал генерал П.П. Скоропадский, будущий гетман Украины и персонаж булгаковской «Белой гвардии» и «Дней Турбиных». Отец Александр наверняка был знаком с будущим гетманом, и, думаю, Булгаков в изображении Скоропадского опирался, в числе прочего, и на его рассказы.

18 августа 1916 года приказом № 159 по 5-му Каргопольскому драгунскому полку его командир полковник Петерс объявил: «Приказом по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства от 11 июля с. г. № 31 полковой священник отец Александр Глаголев оставляет наш полк, с которым неотлучно пробыл с самого начала войны. Полк

привык и любил его пастырское слово, которое зачастую являлось сильной нравственной поддержкой в трудные моменты войны.

На поле боя отец Александр не только утешал раненых своим душевным словом, но и оказывал посильную помощь в перевязке их.

Во время затишья своими беседами в эскадронах и командах отец Александр умел завоевать глубокую симпатию среди драгун: его слушали и понимали. Его речи были ясны и чрезвычайно полезны для нравственной подготовки людей. От лица службы благодарю отца Александра за его полезную деятельность во вверенном мне полку.

С глубоким сожалением полк расстается со своим пастырем, и, прощаясь с Вами, каждый верующий скажет: «Да заповедает Господь Бог Ангелам своим охранять тя во всех путях твоих».

Сын отца Александра Алексей, принявший священнический сан летом 1941-го, спас от смерти десятки евреев в оккупированном немцами Киеве, рискуя собственной жизнью.

В 1931 году отец Александр Глаголев был арестован в первый раз. Полгода священника продержали в Лукьяновской тюрьме. Однако выпустили за отсутствием улик.

Александр Глаголев никому не отказывал в помощи, по свидетельству близких и друзей, в любое время дня и ночи он спешил на помощь.

В 1934 году власти начали разрушать храм Николы Доб-

рого. За Глаголевым установили слежку. Александру Глаголеву, арестованному вторично в 1937 году, инкриминировали ни много ни мало, а «активное участие в антисоветской фашистской организации церковников». Вот что вспоминала внучка отца Александра Магдалина Алексеевна: «В 1937 году полностью сбылось предсказание Ф.М. Достоевского: «Если Бога нет – все дозволено». 17 октября 1937 года арестовали (17 ноября 1937 года расстреляли) священника Михаила Едлинского, друга дедушки, который служил в Набережно-Никольской церкви с дедушкой вплоть до ареста». А в ночь с 19 на 20 октября 1937 года, еще до рассвета, «черный ворон» подкатил к жилищу Александра Глаголева. «Мама, – продолжает Магдалина Алексеевна, – по всем инстанциям ходила сама, всюду называя себя дочерью отца Александра Глаголева. С ночи записывалась на прием к следователю, прокурору. Выстаивала в очередях для посылки денег. Это тоже являлось тестом: если деньги в тюрьме принимают, значит, человек еще находится здесь, на месте.

В конце ноября 1937 года, дождавшись своей очереди у следователя, мама услышала:

- Он... умер.
- Когда, как?
- Разговор окончен.

Мы пережили смерть дедушки. Ходили за утешением и заочным погребением к дедушкиному другу – архиепископу Антонию Абашидзе, жившему на Кловском спуске в ма-

ленькой хибарке. Он когда-то преподавал в Тифлисской семинарии и был учителем Сталина. Может быть, поэтому его не тронули».

А далее появилась надежда. А вдруг священник жив? Ведь когда Татьяна Павловна попробовала передать деньги в тюрьму, их приняли. Затеплилась надежда. А вскоре по большому доверию ей сообщили о том, что Глаголев «скоро будет послан по этапу, можно передать теплые вещи». Вещи приняли... «Мама, – пишет Магдалина Глаголева-Пальян, – снова записывается к тому следователю, который сказал о дедушкиной смерти. Прием ведет другой. Отвечает: «Находится под следствием».

– А когда принимает товарищ такой-то? – (мама называет фамилию).

– Он не работает.

– Что, в отпуске?

– Нет, он враг народа.

Папа ночами ходил на Лукьяновское кладбище. Из тюрьмы туда вывозили трупы в грузовиках, открывали борт машины и сбрасывали тела в общую могилу. Там папа предполагал узнать дедушку. Только в 1944 году в Москве маме ответили официально, что А.А. Глаголев умер 25.11.37 года от уремии и сердечной недостаточности. Так служба НКВД всячески пыталась скрыть следы своего преступления.

Через шестьдесят лет, в феврале 1997 года, я была допущена ознакомиться с тюремным делом за № 71156 ФП

на Александра Александровича Глаголева, арестованного 20 октября 1937 года по обвинению в активном участии в анти-советской фашистской организации церковников. Преступление по ст. 54–10 и 54–11 УК УССР. У меня создалось впечатление, что над материалами «дела» позднее усердно «поработали».

Отец Александр Глаголев был глубоко верующим, истинным христианином, необыкновенно смиренным, бессребренным, был известным в России и за ее пределами ученым-гебраистом. До закрытия Киевской Духовной академии в 1924 году А.А. Глаголев был там профессором кафедры библейской археологии и древнееврейского языка. Кроме того, он знал 18 классических и европейских языков и всей своей жизнью опровергал излюбленные обвинения антирелигиозников в адрес духовенства: невежество, тунеядство, одурманивание народа в корыстных целях и т. д.

Машина НКВД поставила задачу уничтожить этого священника и создала дело о якобы его «активном участии в антисоветской фашистской организации церковников». И мерой пресечения было избрано «содержание под стражей в спецкорпусе киевской тюрьмы» (оперуполномоченный Гольдфарб, начальник IV отд. Перцов). Но мучителям мало было убить отца Александра. Они еще захотели вытравить из его дела всякие следы мучений, изобразить, что смерть его наступила в результате болезни, то есть решили вытравить память о священномученике.

Согласно материалам дела, в тюрьме А.А. Глаголев встречает необыкновенно «гуманное отношение», его «заботливо» помещают в тюремную больницу, где он через 36 дней после ареста скончался от болезни, которой у него никогда раньше не было: от почечной и сердечной недостаточности.

В деле Александра Александровича Глаголева почти ничего нет:

- 1) нет ни одного обвинения людей, по показаниям которых он был арестован;
- 2) нет имен обвинителей, а ведь они должны были быть, если отец Александр был членом «организации»;
- 3) нет очных ставок с членами этой «организации» или с обвинителями;
- 4) главное, нет ни одного протокола допроса. А допросы были. Свидетель этому – вернувшийся в 1946 году в Киев из ссылки священник отец Кондрат Кравченко, который сидел в Лукьяновской тюрьме в 1937 году вместе с отцом Александром Глаголевым.

Со слов отца Кондрата, в тюрьме у некоторых следователей бытовала следующая методика допросов: ночью допрашиваемых заставляли часами стоять в очень неудобном положении с запрокинутой головой. Сам отец Кондрат подвергался дважды таким допросам, а отца Александра Глаголева, по его словам, допрашивали таким образом 18 раз, отчего отец Кондрат характеризует отца Александра Глаголева не как просто мученика, а великомученика (отец Кондрат

Кравченко был арестован летом 1937 года. Из Лукьяновской тюрьмы был выслан за Полярный круг в том же, в чем его и взяли, – в парусиновых туфлях и плаще. Там он отморозил ноги, и у него отпали фаланги пальцев, его комиссовали. Как «активированного», то есть списанного «по акту», отпустили на более легкий труд. Довелось идти на новое место назначения по льду на костылях, он упал, не мог идти. Конвой засовещался: «Пристрелить или сам дойдет?» – «Да сам дойдет!» А врач подошла и спросила: «А вы чего лежите?» – «Не могу я». Тогда она его поместила в свои сани, а сама 18 км шла пешком. После пребывания в таких условиях заключения и ссылки самыми тяжкими, по его словам, были воспоминания об этих двух допросах);

5) в деле нет ни одной справки, когда и чем заболел А.А. Глаголев, когда его поместили в больницу, кто был его лечащим врачом. Есть только справка о смерти в больнице.

6) нет ни одной записки, подписанной отцом Александром. Только никем не подписанные черновики. В них он описывает свой день до ареста. Он служил в церкви ежедневно утром и вечером. Во время короткого дневного отдыха читал книги (работал). Вечером после церкви – чтение молитвенного священнического правила, занимавшего часть ночи. (Поражает его удивительная работоспособность. Чтобы вести такой образ жизни, нужно было быть достаточно здоровым человеком. В тюрьму он пошел своими ногами, и вдруг через 36 дней «умер», не будучи осужден.)»

Так мы до сих пор и не знаем, действительно ли бывший настоятель храма Николы Доброго и бывший профессор Киевской Духовной академии Александр Александрович Глаголев умер в тюремной больнице через 36 дней после ареста от сердечного приступа или был расстрелян. В пользу первой версии, помимо официальных материалов его дела, говорит короткий срок пребывания под стражей. Обычно человека не расстреливали так быстро. Следствие обычно продолжалось до трех месяцев, чтобы выбить от подследственного показания на мнимых соучастников, которых потом можно было арестовать, а потом, в свою очередь, получить от них показания на новых жертв. Получалась такая гигантская пирамида, которую могли перестать возводить только тогда, когда сверху поступит приказ о свертывании репрессий. Надо также отметить, что когда в 1939 году и позднее стали сообщать о судьбах людей, расстрелянных в 1937–1938 годах, то, как правило, сообщали, что они получили десять лет лагерей без права переписки и во время отбытия наказания умерли такого-то числа, такого-то года от такой-то болезни. Практически никогда родным не сообщали, тем более сразу же, что человек умер во время следствия. Такое прикрытие для расстрелов, как правило, не использовали, поскольку у родных сразу бы возник вопрос: а не применялись ли к погибшему недозволенные методы ведения следствия?

Но, с другой стороны, репрессии против «врагов народа», в состав которых входили и «церковники», тогда осуществ-

лялись по приговорам созданных приказом НКВД № 00447 от 31 июля 1937 года в административном порядке судебных троек в составе секретаря местной парторганизации, главы НКВД и прокурора, а следствие велось в ускоренном порядке. При этом приговоры были только двух видов – либо расстрел, либо 8—10 лет лагерей. Иногда срок жизни арестованных по приказу № 00447 и аналогичных ему составлял немногие недели. Например, аресты по приказу № 0447 начались только 5 августа, а 31 августа одних «кулаков» было арестовано уже около 150 тыс., из которых более 30 тыс. были расстреляны. Так что не исключено, что отца Александра Глаголева успели расстрелять «в ускоренном порядке». Возможно также, что он умер от примененных по отношению к нему мер физического воздействия. Жаль, что мы, вероятно, никогда точно не узнаем, как именно умер Александр Александрович Глаголев.

В то же время вероятность, что отец Александр был все-таки расстрелян, достаточно велика. Это хорошо видно на примере одного из второстепенных персонажей нашей книги, журналиста-сменовеховца Ильи Марковича Василевского, первого мужа второй жены Булгакова Любови Евгеньевны Белозерской. Вплоть до начала XXI века считалось, что он был арестован по ложному обвинению и умер в тюрьме 14 июня 1938 года. Но вот были опубликованы «Сталинские расстрельные списки» – списки репрессированных, утверждавшихся на Политбюро. Там в списке от 10 июня 1938

года под номером 23 значится Василевский Илья Маркович (он же Небуква), осужденный по 1-й категории, то есть к расстрелу. Материалы о нем были представлены центральным аппаратом НКВД. В приложенной же справке сообщается: «Василевский-Небуква Илья Маркович. Год рождения: 1882. Место рождения: г. Полтава. Национальность: еврей. Образование: среднее. Партийность: б/п. Работа: член Союза советских писателей. Место проживания: Москва, Сверчков пер., д. 8, кв. 9. Дата ареста: 01.11.37. Осудивший орган: ВКВС (Военная коллегия Верховного Суда. – Б. С.) СССР. Дата осуждения: 14.06.38. Обвинение: участие в к.-р. террористической организации. Дата смерти: 14.06.38. Реабилитация: ВКВС СССР. Дата реабилитации: 14.02.61».

Можно предположить, что о тех расстрелянных, о смерти которых каким-то образом родным становилось известно тогда же, в 1937–1938 годах, при реабилитации выдавали справки, что они умерли в тюрьме во время следствия. Однако между И.М. Василевским и А.А. Глаголевым есть одно существенное различие. От ареста до гибели первого прошло семь с половиной месяцев, а второго – всего лишь 36 дней. Так что не исключено, что отец Александр все-таки умер в тюрьме и не был расстрелян.

Думаю, что Булгаков так и не узнал о гибели отца Александра. Последний раз в Киеве Михаил Афанасьевич был в августе 1937 года, когда возвращался после отдыха на даче актера В.А. Степуна в Богунье под Житомиром. В дневнико-

вых же записях Елены Сергеевны за конец 1937-го и последующие годы имя Глаголева нигде не упоминается. Вряд ли бы она упустила столь важное для мужа событие. Сообщать же об арестах, а тем более о гибели арестованных в письмах было не принято. Письма очень часто перлюстрировались, и излишняя откровенность могла сама по себе послужить поводом для новых арестов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.